

УДК 82

СЕМИОТИКА КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ И РАЗВИТИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА*

Ильин Михаил Васильевич,

академический директор аспирантской школы по политическим наукам
Национального исследовательского университета Высшая школа экономики,
руководитель Центра перспективных методологий
социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН,
доктор политических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Аннотация

Существует связь между развитием дискурс-анализа, языка политики и становлением общей семиотики. Общая семиотика должна стать своего рода математикой гуманитарных наук, инструментом оценки смыслов человеческой деятельности. Разделение «чистой семиотики» и ее дисциплинарных вариантов – главная задача исследовательского проекта Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

Ключевые слова:

общая семиотика, прикладная семиотика, дискурс-анализ, междисциплинарность, научный органон, методология социально-гуманитарных исследований.

Существуют многообещающие возможности изучения языка политики и развития дискурс-анализа связаны со становлением общей семиотики как универсальной обществоведческой дисциплины, изучающей содержательную сторону информационной составляющей человеческого существования. Общая или, по выражению Чарльза Морриса «чистая» (pure) семиотика [4, с. 45–97] может и должна стать своего рода математикой гуманитарных и общественных наук, способной дать им универсальные инструменты определения меры, прежде всего оценки смыслов человеческой деятельности, подобно тому, как математика создала инструменты определения меры для природных процессов.

Не будет преувеличением заявить, что именно систематическая разработка общей семиотики может дать теоретико-методологическую основу для дискурс-анализа и анализа языка политики, ее понятийной базы и содержательного наполнения.

С сожалением приходится констатировать, что семиотика пока еще не стала подобного рода универсальной основой для гуманитарного знания. Это вполне объяснимо: она молода, ее существование едва ли превышает столетия. К нашему времени первоначальные построения grammatica speculativa Ч. Пирса [2], сигнифики В. Уэлби [5] и семиологии Ф. де Соссюра [3] многократно обогатились. Все, что было сделано

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 13–06–00789 «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований», а также Программы Научного фонда НИУ ВШЭ «Учитель-Ученики» НУГ «Когнитивный анализ научного дискурса отечественной и мировой политической науки».

за этот период, не просто велико, но поистине великолепно. Здесь, конечно, не место оценивать отдельные достижения семиотики. Бесспорно, однако, что накоплен интеллектуальный потенциал, который позволяет рассматривать семиотику отнюдь не как раздел языкознания, логики, психологии, кибернетики, теории информации или философии, а как особую отрасль знания о человеческой действительности, без учета и использования которой любая гуманитарная наука оказывается столь же шаткой и бесплодной, как любая естественная наука без математики.

Что же позволяет делать подобные утверждения? По меньшей мере, два обстоятельства.

Первое связано с онтологией человеческой действительности. Подобно тому, как материальная реальность обретает свою меру в числе, точнее, свои меры в числах и математических отношениях, так и вырастающая из нее более сложная человеческая действительность¹ обретает свою меру в знаке, точнее, свои меры в знаках разного рода и в смысловых отношениях. Математика формирует свое знание независимо от материала, к которому она прилагается. Точно так же семиотика дает понимание смысла и меры вне зависимости от их специфического выявления в сфере человеческого существования. И та и другая, однако, для своего обоснования и самого существования требуют систематического и полного исчерпания своих предпосылок, испытания всех своих возможностей «измерения» как таковых. Только при подобных условиях они могут состояться как фундаментальные науки.

Второе обстоятельство вытекает из первого. Уже создатели первых «протосемиотик» угадывали подобные возможности в своих созданиях. Однако систематическая разработка содержательной стороны человеческой действительности требовала грандиозных усилий. Вполне естественно, что следующим поколениям ученых пришлось сосредоточиться на разработке специфических возможностей приложения принципов семиотики. В результате возникли своего рода частные

семиотики. Это была, прежде всего, лингвистическая семиотика как наиболее разработанная сфера исследований. Однако наряду с ней появились и другие семиотические дисциплины. В результате, как отмечал Ю.С. Степанов, возникла следующая ситуация: «Семиотика черпает свой материал из лингвистики, кибернетики (с теорией информации), биологии, психологии, обществоведения (этнографии и социологии), истории культуры, литературоведения, но также и отдает в свою очередь этим наукам свои обобщения. Она развивается на стыке наук» [4]. В результате возникает такое качество «приватизированной» отдельными дисциплинами семиотики, как срединность. Данное качество, однако, ни в коей мере не сводится к пресловутой «междисциплинарности». Академик Степанов подчеркивает: «Срединное положение семиотики среди ряда наук и то, что семиотика – наиболее оформленная часть современных системно-структурных исследований, составляет ее аналогию с философией» [4].

Как подтверждает данное свидетельство, скор с лишним лет назад академик Ю.С. Степанов, а также ряд его учеников и сотрудников видели необходимость, неизбежность и внутреннюю оправданность интеграции семиотики в науку особого ранга, в своего рода метанауку.

За последние десятилетия и годы был достигнут существенный прогресс как в развитии семиотики, так и ее приложений к анализу дискурсов и когнитивных схем и моделей. Это позволяет возвратиться к идее Чарльза Морриса о «чистой семиотике», всерьез ставить вопрос о развитии общей семиотики как своего рода трансдисциплинарном интеграторе всего комплекса социально-гуманитарных наук, включая и политологию.

Именно такой подход избран Центром перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Более того – семиотика рассматривается как один из специфических трансдисциплинарных научных органов, которые могли бы брать на себя роли интеграторов, лидеров и посредников в осуществлении социально-гуманитарных исследований. Речь, в частности, идет о математике, когнитивной науке, семиотике, морфологии и компаративистике.

¹ О различении *реальности* и *действительности* см.: Ильин М.В. Между словами и смыслами: Основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. – М., 2002.

При всех усилиях по выявлению интеграционного потенциала вышеперечисленных научных направлений ни в одном из этих случаев систематически и последовательно не ставилась задача разделения общенаучного ядра и специальных приложений соответствующих научных направлений. Пожалуй, только в семиотике Чарльз Моррис поставил задачу разделения «чистой семиотики» (pure semiotics) и ее специальных дисциплинарных вариантов. Однако решение этой задачи так и не было доведено до конца. Тем более не ставились задачи разделения и консолидации общей компаративистики, морфологии и т. п. на фоне их специальных дисциплинарных версий. Данный пробел и призван заполнить исследовательский проект Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

В случае подтверждения выявленных интеграционных способностей можно было бы приступить к разработке соответствующих того, что мы называем органонами-интеграторами. Идея таких органонов не просто апеллирует к аристотелевской и бэконовской традициям, но претендует на рационализацию и систематизацию выявленных интеграционных возможностей. Это по существу общие методологические рамки, которые включают как устойчивый методологический аппарат, так и более гибкие исследовательские практики, подтверждающие свою интегративную общенаучную и общественно-ведческую значимость.

В связи подобной постановкой задачи возникает несколько закономерных вопросов. Давайте предположим, что у нас действительно есть один всеобщий органон семиотики. Что из этого следует? Он становится практически безграничен, охватывает и логику, и когнитивную науку, и математику. У него, в таком случае, должна быть общая структура, обнаруживающаяся также во всех отдельных сферах знания. Иными словами и у математики, и у семиотики, и у логики должна появиться какая-то общая структура. Второе следствие: все наши познавательные способности имеют общую природу. Тогда возникает новый вопрос: в чем эта природа?

Взглянем теперь на альтернативу. Существуют два разных органона. Тогда познавательные способности должны четко противо-

стоять хотя бы в чем-то или даже исключать друг друга. Тогда наша задача в том, чтобы найти те моменты, где они очевидным образом исключают друг друга. Тогда структура и состав органонов должны быть разными. Явно должны выделиться какие-то составные части в математике или семиотике, которые не соотносятся друг с другом. Тогда наши познавательные способности окажутся разнородными. Нам придется искать у каждой свою природу.

Еще одно маленькое пояснение. Пирс считал семиотику универсальной алгеброй отношений. Для него она очевидным образом продолжается в математике. В отличие от него Соссюр считает семиологию «частью социальной, а следовательно, и общей психологии» [3, с. 23]. И эта дисциплина увенчивает все гуманитарное знание – знание о человеке. Тогда получается, что семиотика связана скорее с когнитивной наукой, а Соссюр – предтеча когнитивной революции.

Столь очевидное фундаментальное различие заставляет задуматься, что, вполне возможно, имело бы смысл пользоваться двумя этими различными терминами для обозначения принципиально разных познавательных способностей и проглядывающих за ними органонов. Можно говорить о семиотике в пирсовском смысле, а также о семиологии в соссюровском смысле как о принципиально различных науках и методологических органонах. Насколько оправдана столь радикальная позиция?

Следующий вопрос. Уже Чарльз Моррис четко различил чистую (pure) семиотику и её приложения к различным предметным областям в виде дескриптивной (descriptive) и прикладной (applied) семиотик. Однако удивительным образом такое различие в мейнстриме семиотики – за редкими исключениями² – не поддерживается. Может быть это связано с тем, что очень

2 Единственное, пожалуй, исключение статья о разделении семиотики Ганса-Генриха Либа, который проанализировал подходы Карнапа, Хельмслева и некоторых других коллег и предложил переименовать чистую семиотику в общую, а описательную в специальную (Lieb H.H. On subdividing semiotic // Pragmatics of Natural Languages. – Springer Netherlands, 1975. – С. 94–119). См. Также раздел 1.2.3 о теоретической и прикладной семиотике в авторитетном справочнике (Nöth W. Handbook of semiotics. – Indiana University Press, 1995).

четкое различие, которое проводил Моррис, на самом деле совсем не очевидно, а является абстрактным и предельным, а в жизни мы встречаемся с целой лестницей переходов.

Можно представить себе такую лестницу. Начать с самого верха. Там чистый органон вне времени и пространства. И даже без человека, а с каким-то виртуальным интеллектом, не отягощённым телом, биосферой. Ниже может быть обнаружен органон биосферно-человеческий. В таком случае, туда попадает когнитивная наука. Далее идут дисциплинарные органоны, то есть органон плюс предметная сфера. Например, опускаемся в политику, получается политическая семиология. То же самое с математикой и с ее приложениями к физике, химии и так далее. Наконец, в самом низу лестницы появляются собственно прикладные дисциплинарные органоны, которые ко всему прочему связаны с некими специфически дисциплинарным познавательным возможностям. Только об этом можно говорить как о собственно прикладном органоне. Именно он оказывается вполне ясным, конкретным и прагматическим инструментарием, который можно довести до отчетливого набора методик.

Теперь я позволю себе задать несколько наивных, потому трудных вопросов.

Первый вопрос: можно ли перенести базовую структуру семиотики с её делением на семантику, синтактику и прагматику на логику и математику? Для логики, как мне кажется, это сделать не очень трудно. Не исключаю, что есть какие-то экзотические логики, которые этой системе не поддадутся, но для большей части логик, по-моему, это возможно. А для математики, мне кажется, это выглядит затруднительно. Впрочем, и для формальной логики. Возможно, это связано с редукцией и фактическим отсутствием прагматики.

Ещё более наивный вопрос. Можно ли рассматривать познание и все его аспекты как коммуникативную деятельность? С одной стороны, такое решение напрашивается. Если мы ответим утвердительно, то тогда семиотика вырастает до каких-то грандиозных размеров. Мы должны будем подстраивать всё под семиотику. Но при этой начальной духоподъемной реакции возникает куча сомнений. У всех ли способностей

познания есть субъект? То есть, субъект, конечно, есть, коль скоро мы есть, но не пытаемся ли мы его «уничтожить», когда притворяемся, будто действуем и судим «объективно»? Ведь научная ценность – это объективное познание, как если бы субъекта не было. Вот мы и стремимся удалить субъект с его нетерпимой «субъективностью». Выходит, мы, люди науки стремимся сделать свое познание бессубъектным и очень ценим эту бессубъектность, называя ее объективностью. Настоящее научное познание таким нам и кажется.

Однако если научные исследования, обмен их результатами и признание их в качестве истин оказывается ни чем иным как коммуникативной деятельностью, то установка на объективность и бессубъектность не так уж и бесспорна. Выходит, что существует некий идеал познавательной способности, который предполагает, будто субъект надлежит исключать, куда-то его удалять и допускать его только в случае, когда без него будет совсем уже не обойтись. Может ли существовать такое бессубъектное познание человека и человеческой действительности? Мы все помним веберовскую проблематику ценностно нейтрального познания. Однако это только поверхностный уровень, связанный со снижением предвзятости разного рода. Но можем ли мы отказать не только от субъективности, но и субъектности? Может ли человек быть радикально редуцирован до «объективной» сила познания? Можно ли оставить от человека только некий познавательный обесчеловеченный инструмент? Не знаю. Сильно сомневаюсь.

И ещё один наивный вопрос. Являются ли знаками числа и кванторы? Первый ответ – и совершенно, казалось бы, очевидный – да, являются. Тогда следующий вопрос: а знаками чего они являются? Что они обозначают? Когда начинаешь думать об этом, то появляются новые вопросы. Вроде, это и знаки, но какие-то особые. В какие семантические треугольники мы можем сложить числа и кванторы. Являются ли знаками числовые пространства, матрицы, множества? Даже говоря о натуральных числах, мы не всегда понимаем, что это значит, то что и говорить комплексных числах или о множествах. Чем являются измерения и размерности? Что это с точки зрения семиотики?

Последний вопрос такой: что в математике является аналогом семиозису? Когда я задал себе этот вопрос, то первая реакция была: исчисление. Но чем больше я думал, тем больше было и сомнений. Поэтому вопрос открытый. Чем хорош такой вопрос, так это тем, что он, с моей точки зрения, является настоящим вопросом. Вопросы бывают разные – простые и трудные. Простые и неинтересные – это те, на которые мы знаем ответ заранее. Такое бывает и в науке. А вопрос, здесь поставленный, кажется мне очень интересным, поскольку он трудный. Ответ на него не очевиден. Ответы мы сможем получить, только пройдя серьёзные испытания и ответив на многие трудные вопросы. К этому я приглашаю читателей и авторов «Дискурс-Пи».

---

1. Моррис Ч.У. Основная теория знаков // Семиотика. Антология / составитель Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.

2. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. Логические основания теории знаков. В 2 томах. – СПб.: Издательство Алетейя, 2000.

3. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 1999.

4. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998.

5. Welby V. Significies and language. London, Publisher: Macmillan and co. limited, 1911.

---

1. Morris Ch.U. Osnovnaya teoriya znakov // Semiotika. Antologiya / sostavitel' Yu.S. Stepanov. M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. – S. 45–97.

2. Pirs Ch.S. Nachala pragmatizma. Logicheskie osnovaniya teorii znakov. V 2 tomax. – SPb.: Izdatel'stvo Aletejya, 2000.

3. Sossyur F. Kurs obshhej lingvistiki. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 1999.

4. Stepanov Yu.S. Yazyk i metod: K sovremennoj filosofii yazyka. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.

5. Welby V. Significies and language. London, Publisher: Macmillan and co. limited, 1911.

UDC 82

SEMIOTICS AS A BASIS FOR THE STUDY OF LANGUAGE POLICY AND DEVELOPMENT OF DISCOURSE ANALYSIS

Ilyin Mikhail Vasilyevich,

Academic Director of the Postgraduate School of Political Science of the Higher School of Economics – National Research University,
Head of the Center for Advanced Methodologies of Social-Humanitarian Research Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Annotation

There is a connection between the development of discourse analysis, language policy and the establishment of General semiotics. General semiotics should be a kind of math, Humanities, assessment tool meanings of human activity. The separation of «pure semiotics» and its disciplinary options – the main task of the research project of the Center for advanced methodologies of social and humanitarian research of the Institute of the RAS.

Key words:

General semiotics, applied semiotics, discourse analysis, interdisciplinarity, scientific Organon, methodology of social and humanitarian studies.